

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А73

Художественное оформление серии
Алексея Дурасова

Ануфриева, Мария.

А73 Доктор Х и его дети / Мария Ануфриева. — Москва : Эксмо, 2020. — 320 с.

ISBN 978-5-04-101082-9

Доктор Христофоров — детский психиатр пятидесяти двух лет, который должен был погибнуть еще в младенчестве, но чудом попал в руки умелого врача. Взрослая жизнь его целиком состоит из работы, а работа — из мальчиков и девочек, которые хотят умереть, взорвать детский дом или перестать быть человеком.

Жестокие, впечатлительные, продвинутые интеллектуалы, ранимые, наивные, замкнутые, наследственно больные, чрезмерно залобленные матерями, непонятые или не услышанные взрослыми подростки. Такие разные и такие похожие в своем одиночестве. Все они ищут смысл в жизни и свое место в ней.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Ануфриева М., текст, 2020

© Оформление.

ISBN 978-5-04-101082-9

ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Совсем маленьким он думал, что умирает во сне, и всегда боялся засыпать. А потом понял, что сон — это только путешествие, или провал в черную яму, но только на миг. Все обратимо, по возвращении ждет родная комната, шум воды и звон посуды на кухне, запах свежеиспеченных шаников — пирожков с творогом или картошкой.

Когда просыпался, в полудреме привычно гладил подушку. Словно благодарил за ночное путешествие на далекую планету, название которой только что вертелось на языке, но вдруг исчезло из памяти, за прогулку с загадочными чудовищами гинтубубами и за то, что терпеливо ждала его возвращения здесь, в яви. Еще оставался в памяти побег от ведьмы по узким, извилистым коридорам подземелья: она ухала, лязгала зубами и вот-вот должна была схватить за рубашку, но в последний миг, в секунду, когда уже тянется и трещит ткань, он успевал проснуться.

Теперь он тоже боялся — не сна, похожего на смерть, а просто смерти. Во сне даже лучше, да разве ж так повезет? Впрочем, с чего это умирать? Не дождетесь!

Умереть он должен был пятьдесят два года назад от спинномозговой грыжи в возрасте шести часов. Такую

Мария Ануфриева

напасть не брался оперировать ни один детский хирург в Камышине. Ни один из двух.

Младенец почему-то не умер в отведенный ему научной срок. Словно ждал, что же решит его двадцатилетняя мать, которую три дня уговаривали отказаться от новорожденного, уверяя, что теперь в лучшем случае ребенок не доживет и до года, в худшем — останется инвалидом детства до старости. Чтобы ей было понятнее — неподвижным дебилом.

Вместо отказа она ранним утром четвертого дня спешно, как вор, пересекла двор роддома с туго перевязанным свертком, легкомысленно отданным ей набожной и ничего не смыслящей в медицине нянечкой бабой Ниной, и отправилась с ним за сто восемьдесят километров в областную детскую больницу.

Нейрохирург Топоров, о котором ей рассказала соседка по палате в камышинском родильном доме, в тот день не ушел домой вовремя — задержался из-за приезда начальства. Был он раздражен, если не сказать зол, а потому, осмотрев непонятно как выжившего в дальней дороге младенца, только хмыкнул и, не сказав растерянной мамаше и двух слов, ушел обратно в отделение.

Она свернула одеяло обратно в тугой аккуратный конверт и уже вышла во двор больницы, когда сообразила, что забыла на столе в смотровой единственные пока документы сына, не имевшего еще имени, а потому обозначенного как «мальчик, 50 см, 3600 г, грыжа в пояснично-крестцовом отделе позвоночника».

Документов в смотровой не оказалось, зато там оказалась медсестра, искавшая гражданку Христофорову и тут же отчитавшая ее за то, что она беспечно

ДОКТОР X И ЕГО ДЕТИ

разгуливает со своим свертком туда-сюда, тогда как ей полагается занять чудом освободившееся место в хирургическом отделении Топорова.

В тот же день она подписала согласие на операцию, не гарантировавшую ее ребенку не то что здоровья, но и жизни.

Когда тщедушное тельце забрали у нее из рук, предупредив, что операция будет долгой, она поняла, что не может ждать в палате. Соседки все слышали и неловко молчали, желая угадать и боясь ошибиться: то ли еще обнадеживать, то ли уже сочувственно вздыхать. Она потопталась у застеленной кровати, хотела что-то сказать — не нашла слов, плакать — не плакалось. И она стала ходить.

В палате тесно, вышла в коридор. Ходила по нему из угла в угол, пока медсестра на посту неодобрительно не шикнула. Тогда она вышла из отделения и отправилась блуждать вокруг больницы. Мимо проходили деревья, дома и люди, диковинные в своей обыденности. Казалось, что она движется в скафандре, который отделяет ее от мира, защищает мир от нее, ведь тот, кто выпадает из привычного течения жизни, становится ему угрозой. Пахнувший горем человек похож на прокаженного, порой даже знакомые боятся протянуть ему руку: вдруг это заразно, вдруг горе — это что-то вроде лепры?

Однако до горя или радости был еще час — и она шла по нему, как акробат по канату, держа равновесие в каждом шажке-минуте. Шла и просила у неизвестной силы: верни мне его живым, верни-верни-верни-верни. С ее-то фамилией просить надо было у образов, да где же их взять в большом незнакомом городе.

Мария Ануфриева

Она прошла еще немного и увидела скульптуру: мать, читающая ребенку книгу. Подойдя поближе, двадцатилетняя Христофорова встала напротив памятника ровно и строго, как на пионерской линейке, и пообещала гипсовой советской Мадонне: если выживет безымянный пока младенец с грыжей, будет он лечить и спасать людей.

То ли не зря называли нейрохирурга Топорова врачом от Бога, то ли памятник гражданке с книгой и впрямь умел исполнять желания, но безымянный младенец выжил, избавился от грыжи и даже не стал дебилом вопреки науке и здравому смыслу. Напротив, с возрастом Иван Сергеевич Христофоров стал отличаться недюжинным умом и смекалкой.

Сам Иван Сергеевич понимал, что грыжа была, скорее всего, закрытая и, к счастью, вовремя замеченная опытной акушеркой по затянутому кожей пульсирующему пятну на спине, но как удалось прооперировать ее пятьдесят с лишним лет назад без описанных во всех учебниках последствий — не представлял.

На память о грыже и о чудесном избавлении от нее на спине остался узор в виде солнышка, который неизменно интересовал дам, имевших возможность лицезреть наготу тыльной части Христофорова. Рассказывать про грыжу было скучно, поэтому он каждый раз сочинял новые истории, одна другой фантастичнее — от попадания дроби на охоте (на которой он ни разу не был) до удаления невиданного доселе атавизма: «Представляешь, чешуя на спине стала прорастать, прямо как у динозавра...» Дамы верили и жалели Христофорова, а он жалел дам — вот если бы Господь сотворил их не из ребра, а из мозга Адама...

ДОКТОР Х И ЕГО ДЕТИ

Данное памятнику обещание мать с годами забыла, но когда сын сдал экзамены в медицинский институт того самого областного центра, куда она привезла его на четвертый день после родов, что-то такое припомнила и подивилась ладности жизненной инженерии. Впрочем, женщина она была простая и такими мудреными категориями не мыслящая. Она просто порадовалась тому, что все складывается правильно.

Был у Христофорова отец — Сергей Николаевич. Далекий, почти мифический, живший в столице отец, которому почти двадцать лет все не выписывали повторную командировку в Камышин. Зато первая и единственная командировка на берега Волги принесла свои плоды: через месяц увидел свет доклад о повышении эффективности местного текстильного производства, а через восемь с половиной месяцев родился младенец, который носил фамилию матери, а отчество — Сергеевич.

Рождение сына Сергею Николаевичу не то чтобы пришлось в тягость — тягот он испытывать не привык и всячески себя от них берег. Скорее это было просто странно. Написанный по итогам командировки отчет убрали на полку и благополучно забыли. Жаль, нельзя было так же убрать и забыть мимолетную симпатию к работнице текстильной фабрики.

Вместе с тем человеком он числился приличным, от содеянного не отказывался и родство с сыном под сомнение не ставил. С облегчением поняв, что никто не ждет от него мелодраматических и уж тем более героических поступков, вошел в роль отца удобным для себя способом: периодически посылал бандероль с машинкой на Новый год и денежный перевод на день рождения.

Мария Ануфриева

Интерес к этой случайной чужой родне он проявил один раз, когда напился, что вообще случилось с ним редко, позвонил в Камышин и, словно лишь вчера вышел за порог, поинтересовался, как там поживает его доченька.

Как и всем людям, пьющим редко, изрядная доза непривычной крепости ударила в голову настолько метко, что он и забыл про покупаемые раз в год машинки и представилась ему отчего-то доченька с белыми кудряшками и голубыми глазами. Поднимая трубку, он даже решил, что завтра же поедет к ней и будет катать ее на плечах. Однако на второй день — как и все люди, пьющие редко, — он не потреблял ничего крепче кефира, а потому и намерение улетучилось, превратилось в смазанное многоточие, похожее на короткие гудки в трубке после вопроса о доченьке. А он его и не помнил — и продолжил покупать машинки на Новый год, не задумываясь о том, сколько лет сыну. Последнюю машинку десятиклассник Христофоров передарил соседскому мальчишке, тоже безотцовщине.

На втором году обучения Христофорова в мединституте, когда он всю интересовался обладательницами коротких белых халатиков и думал, какую специализацию выбрать, отец внезапно материализовался: сначала в виде телеграммы, а на каникулах — лично. Оказалось, жизнь не поберегла того, кто всю жизнь так берег себя сам.

Семьи он не имел и выглядел гораздо старше матери — тусклым, серым, обрюзгшим. Встреча получилась скомканной и вежливой. Пили чай, мать суетилась, Христофоров не знал, куда спрятать большие руки, и мял салфетку, а давно не ожидаемый гость держал такие же

ДОКТОР Х И ЕГО ДЕТИ

большие руки под столом на коленях и скользил глазами по стенам, будто приехал к ним, а не к сыну.

В конце чаепития гость все же сумел сфокусировать взгляд на Христофорове и принялся говорить нечто фантастическое: мол, человек он одинокий и больной, после смерти квартира достанется государству, так почему бы сыну не переехать в большой город — учиться на врача и там можно, а приличную работу найти гораздо проще.

Полгода прошли в хлопотах с переводом в Москву, казавшимся невозможным, но у отца обнаружили связи, и вот Христофоров уже ехал в столицу на боковой полке в плацкарте поезда Астрахань — Москва. Он глядел в окно на снежный наст под ярким февральским солнцем и пил чай с испеченными в дорогу шаниками. Хорошая часть пирожков была отложена в пакет с запиской «Сергею Николаевичу». В Ртищеве на долгой остановке он расправился со своим пакетом. Делать в дороге было нечего, а Христофоров уже тогда отличался телосложением весьма крупным. Сам того не заметив, он запустил руку в отцовский пакет. Проехав Рязань, с сомнением оглядел последний пирожок с прилипшей к румяному боку запиской и, устыдившись столь скромного дара родителю, быстро проглотил и его.

По приезде выяснилась причина отцовской щедрости: со здоровьем у родителя оказалось неважно, к тому же возникло подозрение на хроническую сердечную недостаточность, которое быстро превратилось в уверенность. Словом, нужен был под боком врач — пусть начинающий, зато бесплатный и, как ни крути, родной. То, что сын собирался стать детским врачом, было неважно — в конце концов, что стар, что млад...

Мария Ануфриева

Христофоров поначалу так обалдел от столичного всего, что принял роль сиделки безропотно и покорно, как неперемное условие свалившейся на него новой жизни. Вскоре он научился крутиться, уяснив со свойственной провинциалам быстротой, что суть столичного бытия и есть вечная круговерть.

Учеба, требовавшая отработки знаний в больнице, и отец, требовавший отработки сыновнего долга дома, не оставляли места для вольностей, украшающих студенческую пору. Отец, впрочем, болел сдержанно, переездом в столицу не попрекал и вообще вел себя так, будто прожили они в двухкомнатной квартирке бок о бок всю жизнь.

О том, чтобы выписать к ним и мать, речи не шло, да мать и не рвалась, за все время приехала один раз и ночевала у землячки, подавшейся в столицу на заработки. Сыном — детским врачом — она гордилась, но выбранной им специальности не понимала. Хирург вырезает грыжи, окулист выписывает очки, ухогорлонос лечит самые популярные у детей болезни, а что делает психиатр? Этим непониманием она мало чем отличалась от большинства родительниц, с которыми ему предстояло общаться в будущем.

К коротким белым халатикам интерес у Христофорова прошел вдруг и сразу на пятом курсе, тридцать первого декабря махрового какого-то года, в «башне смерти» — так называли городскую больницу, где он подрабатывал.

Оправдывая свое название, из года в год больница лихо срывала план Горздрава по увеличению числа выписанных трудоспособных граждан и с лихвой пере-

ДОКТОР Х И ЕГО ДЕТИ

выполняла план Господа по числу граждан, ожидаемых на том свете. В одну из таких «урожайных» ночей он и дежурил.

Собственно, ночь эта отличалась от других подобных только календарно — Новый год как-никак. Хотя нет, еще было полнолуние. Больничное суеверие гласило, что на растущую Луну и покойников прибывает, а уж в полнолуние — туши фонарь, зажигай бестеневую лампу.

К лампам в операционной он никакого отношения не имел, потому что всего лишь санитарил. Ему с напарником и без ламп дел хватало. Вот и тогда, в канун Нового года, сломался грузовой лифт, в котором перевозили обычные для больницы грузы с четырнадцати этажей на первый — в морг.

Умиравшим гражданам, как известно каждому работнику больницы, закон не писан, а потому плевать они хотели на здравый смысл, красные дни календаря и государственные праздники. Мрут, когда им вздумается, невзирая на ломающиеся лифты и неудобство, причиняемое персоналу.

Один такой только что прекративший свой земной путь гражданин, длинный и жилистый, и ждал их с напарником, немногословным узбеком Жоном, на четырнадцатом этаже «башни смерти». Христофоров с Жоном пытались было уговорить девчонок из неотложной хирургии отложить транспортировку тела до завтра: пусть в закутке на каталке до утра полежит, а там, глядишь, и лифт починят. Но те только руками замахали: где это видано, чтобы в государственной больнице лифт первого января чинили, да и встречать Новый год с покойником под боком — уж увольте. Как и с кем

Мария Ануфриева

встретишь Новый год, так его и проведешь. А у них и так самое передовое отделение по числу жмуриков, отчего и премию им давно не платят. Так что будьте добры вынести упокоившегося гражданина до первого боя курантов.

Напрасно сточив мужское обаяние о железные аргументы, санитары переложили покойника с каталки, стоявшей возле бесполезного лифта, на носилки, взвалили их на плечи и засемили к лестнице черного хода: Христофоров спереди, Жон позади.

Первые четыре этажа покойник вел себя прилично, но уже на десятом начал потихоньку съезжать с носилок, упираясь холодными пятками в горячий, взмокший затылок Христофорова. Последний, поворачивая голову, видел болтавшуюся у своего уха бирку на пальце покойника, из которой следовало, что того звали Василий.

— Ну и тяжел же ты, дружище Василий, — пыхтел Христофоров.

— Чего-чего? — переспрашивал Жон.

Василий молчал и щекотал пятками шею.

В это время снизу навстречу им поднималась Лидочка — небесное создание, милая молоденькая врачиха из приемного отделения, полгода назад окончившая институт. Лидочка была терапевтом и, конечно, знала, что ее пациенты имеют неприятное свойство умирать, но происходил сей печальный факт обычно без ее прямого участия, а потому с покойниками она была на «вы», не то что разбитные девицы из хирургии.

Углядев в лестничный проем мелькавший затылок Лидочки, сразу опознанный по аккуратному пробору, Христофоров на секунду остановился на шестом этаже, чтобы удобнее перехватить носилки и расправить плечи.

ДОКТОР Х И ЕГО ДЕТИ

Лидочка нравилась всему мужскому населению больницы от главврача до пациентов урологического отделения, которым от деликатных и мучительных медицинских проклятий вообще-то было не до баб. Нравилась Лидочка и ему, Христофорову — совершенно бесперспективно, конечно. Но он все же надеялся — настолько, чтобы не желать представлять перед ней в новогоднюю ночь в виде больничного Деда Мороза, несущего за плечами вместо мешка с подарками носилки с покойником. В связи с тем, что уже через один пролет встреча была неотвратима, он решил остановиться, положить носилки на площадку между этажами и поприветствовать Лидочку.

Остановка оказалась неожиданной для Жона, и тот, продолжая спуск по лестнице, толкнул застопорившегося Христофорова. Василий, словно того и ждал, резво проехал вперед и оседлал своего носильщика.

В эту минуту на этаж выплыла Лидочка, подняла глаза — и заорала. Прямо перед ней возвышалась конструкция из тел, напоминавшая бременских музыкантов, вставших друг другу на плечи, чтобы заглянуть в домик разбойников: взмокший и растерянный Христофоров, у него на плечах белый как полотно, навеки оскалившийся в предсмертной судороге голый Василий с биркой на ноге, а над ними повторяющий нарастающим «вай-вай-вай» чернобровый узбек Жон.

Но самым ужасным было не это, а лужа, которая растекалась у ног застывшей Лидочки. Перестав орать и обнаружив лужу, она стремглав бросилась вниз. Санитары проводили ее взглядами, постояли, водрузили на место злополучного Василия и, ни слова не сказав друг другу, потащили его в морг.